

Качество: мужество

ШАЙБА

Елена Дубровская

Тихо в деревне ранним зимним утром. Из труб домов тянется дым, во дворах молчат настороженные собаки, не шуршит на ветру развешанное замороженное бельё.

В одном из домов на Солнечной улице мама на кухне готовила завтрак. Старший сын Пашка обматывал клюшку, а в дальней спальне на кровати спал младший, Митька. Солнечный луч осветил лицо Митьки. Мальчик открыл глаза, тут же вскочил с постели и подбежал к окну. На подоконнике в блюдечке замочены семена апельсина. Он поднял марлю: семечки так и не дали ростков.

– Доброе утро! – мама, улыбаясь, смотрела на Митю.

– Доброе, – буркнул в ответ Митя.

Он взял марлю с косточками апельсина, пошёл на кухню и выбросил в мусорное ведро. Мама всплеснула руками:

– Митя! А кто говорил: «Папа с вахты придет, а я ему апельсиновое дерево подарю»?

– Они не проросли, – не глядя на маму, ответил Митя.

– Если косточки не проросли, что надо делать?

– Ничего... – и, подумав, добавил: – тарелку помыть?

Мама вздохнула и пошла на кухню готовить завтрак. Митя умылся, оделся и сел за стол, отвернувшись к окну. Мама расставляла посуду и смотрела на сына.

– Знаешь, – заговорила она, – однажды две лягушки попали в кувшин с молоком и никак не могли выбраться оттуда. Они перебирали лапками, но выпрыгнуть не могли. Одна лягушка отчаялась, перестала бороться и утонула. А другая решила, что ни за что не сдастся, и стала так активно работать лапками, что из молока получилась сметана, а из сметаны – масло. Она встала на масло и выпрыгнула из кувшина.

В кухню вошёл Пашка. Он остановился в дверях, выслушал маму до конца и подытожил с улыбкой:

– Мораль сей басни такова: рано ты, Митька, сдался со своим апельсиновым деревом.

Пашка подошёл к маме, поцеловал в щёку.

– Мам, я пошёл.

– Ты позавтракал?

– Даже слишком! – ответил он, хватая со стола пряник.

– Удачи! – мама проводила взглядом выбегающего из дома сына.

Митя увидел в руках брата клюшку, подумал и побежал за ним. Паша уже выходил из калитки, когда Митя выбежал на крыльцо.

– Паш, а ты куда? – окрикнул он брата.

– Дела!

Пашка махнул рукой брату и пошёл. Глядя на удаляющуюся крепкую спину Пашки, Митя нетерпеливо крикнул ему вслед:

– Но куда?

За его спиной открылась дверь, мама с большой картонной коробкой вышла из дома. Пашка обернулся, увидел коробку и в его глазах мелькнул испуг.

– Мама, а ты эту коробку куда несёшь? – он догонял маму, идущую по двору.

– В сарай несу. Инструменты, которые вы там разбросали, теперь будут храниться в этой коробке.

– Нет, мама! Пожалуйста! Она мне очень нужна, – умоляюще попросил Митька.

Мама остановилась.

– Хорошо, как ты считаешь, будет лучше: хранить в ней инструменты или разломать её, чтобы несколько раз съехать с горки?

– Разломать! Ну для горки лучше.

– Возьми! – мама протянула коробку сыну.

– Зачем?

– Кататься.

Митя неуверенно взял коробку из рук мамы, ожидая подвоха. Он пошёл к дому, сделал несколько шагов и обернулся: мама спокойно смотрела на него, скрывая улыбку. Митька пошёл дальше, представляя, как быстро он будет мчаться на сложенной прочной коробке вниз с горы, и вдруг вспомнил:

– А Пашка куда пошёл?

– Сегодня первая игра с Палестиной.

– Как игра?! А я?!

Он подбежал к маме, сунул ей в руки коробку и рванул в дом.

– А с коробкой-то что делать? – окликнула его мама.

– Инструменты туда сложить!

Возле лодочной станции Пашка встретил поджидающих его Вовку и Огарка. Из-за поворота показались бегущие к ним Колька и Рыжий.

– Ну, пришли? – запыхавшись, спросил Колька.

– Привет! – Пашка хлопнул его по плечу. – Нет, ждём. Генка звонил, говорит, готовьте лёд.

– Говорят, у «Палестины» новый нападающий, – искоса поглядывая на Пашку, сказал Огарок. – Где их Генка берёт? В одном поселке живём...

Пашка смотрел в сторону Канавки, о чем-то думая, и пропустил его слова мимо ушей.

– Договариваемся с ними на три игры, – заговорил он. – Сегодня, завтра, и через неделю, если счет равный. Победитель играет с Воронцовскими. Всем понятно?

Огарок хмыкнул:

– Генка сказал, что «Палестина» больше не проиграет...

– Может, хватит? – не выдержал Колька. – Генка, Генка... Ты в «Солнечной»? Или иди за «Палестину» играй!

– Что я такого сказал? – защищался Огарок.

– Надоел, – буркнул Колька. – Слушай лучше, что наш капитан говорит.

Пашка молча выслушал их перепалку и продолжил:

– Кто тренировался лучше, тот и выиграет. Ладно, пошли лёд чистить. Рыжий, а у тебя сетка мелкая? С прошлого года осталась?

– Да, лежит. Что ей будет?

– Давай бегом за ней. И к моим по дороге заскочи. Пусть Митька шайбу принесёт на Канавку.

– Ага! – крикнул Рыжий, убегая.

Огарок посмотрел вслед убегающему.

– Так пусть Рыжий и возьмёт сразу шайбу.

Пашка всё думал о чём-то, был серьёзен и сосредоточен.

– Огарок, хорошо ты в хоккее играешь.

– Ну?

Пашка пошёл вперед. За ним Вовка и Колька. Колька остановился и повернулся к Огарку.

– Дыши спокойно. Лучше смотри: зима! Красиво!

– И давайте запомним, – серьёзно глядя на ребят, сказал Пашка. – В этом году «Солнечные» выигрывают!

– Не вопрос, капитан... – Вовка вытянулся и взял под козырек.

Забежав в дом, Митька наспех запихнул в рот бутерброд и побежал одеваться. Он уже натягивал куртку, когда в дом вернулась мама.

– Митя, а ты куда собрался?

– На игру... – еле выговорил Митька с полным ртом, настороженно поглядывая на маму.

– Один убежал, и второй туда же. А морковь кто будет перебирать?

Митька замер.

– Я?!

– Нет, Пушкин!

– Пушкин?

Митя с трудом проглотил остатки бутерброда. Глаза его выражали самое большое удивление.

– Александр Сергеевич?

– Дмитрий Васильевич. Раздевайся, и в погреб.

– Мам, – взмолился Митька, – ну можно я всё сделаю после игры?

– Мить, ты чего это, – мама развернула его за плечи к свету, – плакать собрался? Не расстраивайся так, они ещё часа через два начнут игру. Переберёшь морковь и пойдёшь, я тебя держать не буду.

Нехотя Митька поплёлся в сарай, бурча себе под нос: «Золушке тоже так говорили: переберёшь фасоль и горох и на бал пойдёшь...»

Мама молча смотрела на сына и улыбалась.

В погребке, разглядывая морковь, Митя унесся мыслями в неведомые фантазии. Вот эта похожа на подводную лодку и начинает погружение в мешок, который теперь стал морем, скрывающим в тёмной толще своих вод отважных моряков-подводников, что расположились в отсеках. Эта – истребитель, высоко взмывающий в небо и оттуда, подбитый вражеским самолётом, падает в кучу плохой моркови. Ещё одна – какая огромная! Это будет...

В этот момент в погреб спустилась мама

– Митя! Поднимайся!

– Я ещё не закончил, – очнувшись от своих фантазий, ответил Митя.

– Беги, я доделаю, – сказала мама улыбаясь.

Митя посмотрел на неё и увидел, что в руках она держит шайбу.

– Там все на Канавку побежали, «Палестина», говорят, приехала. Пашка просил тебя шайбу принести.

– Меня?! – радостно вскрикнул Митя.

Мама вложила в его руки шайбу.

– Беги, давай! Просили быстрее.

– Я быстро!

Митя поднялся из погреба, прибежал в дом и за секунду натянул куртку. Опустил взгляд на зимние ботинки со шнурками... Не то... Рядом стоят старые Пашкины сапоги. Он быстро залез в них и выбежал. Мама открыла дверь и, увидев огромные сапоги на ногах Митьки, закричала ему вслед:

– Митя! Надень ботинки, не добежишь!

– Их зашнуровывать долго. Я быстро!

Митя выскочил из калитки и побежал. Возле соседского дома в снегу возились малыши. Они уже почти долепили снежную бабу, прекратили работать и уставились на пробегающего Митьку.

– Ми-и-тя! Ты куда?! – протяжно крикнула малышка.

– На Канавку, шайбу несёшь на игру.

Дети замахали ему вслед руками, желая удачи взрослому и важному Митьке, которому поручили такое ответственное дело.

Митя бежал по лесу к пруду, изо всех сил торопясь выполнить поручение, данное братом. Щеки его покраснели, сам запыхался – тяжело бежать в здоровых сапогах, которые так и норовят соскочить с ноги. Он крепко сжимал в руках шайбу и представлял, как он вложит её в руку брата с пожеланием победы.

Вот уже и видна Канавка. Митя прибавил скорость, сердце радостно застучало в груди. Он смотрел вперёд, где было видно ребят, собравшихся в большой круг, в центре которого друг против друга стояли два капитана – Пашка и Генка. Они заметили Митьку, прекратили разговаривать и смотрели на неуклюже спускающегося ко льду мальчика.

Митька бежал, смотрел на них и улыбался. Вдруг огромный сапог зацепился за скрытый под снегом корень дерева. Нога тут же выскочила, Митька с размаху упал и полетел вперёд, вытянув руки. Шайба выскочила и стремительно покатила вниз, потом по льду и закатилась прямо в лунку, оставшуюся после утренней рыбалки деревенских рыбаков. Шайба сразу ушла на дно.

Ребята стояли как вкопанные, лица их были растерянными.

Первым в себя пришёл Генка:

– Твой пацан?

– Мой! – Пашка уверенно, даже немного нагло поглядел на Генку.

– Если через полчаса не найдёте, чем играть, – засчитываем поражение.

Образовалась тишина. Митька снизу вверх смотрел на брата. Вдруг лицо его озарила какая-то мысль, и он аж подпрыгнул на месте. Все обернулись к нему. Митька с невероятной скоростью рванул обратно в деревню.

– Митька! Вернись! – крикнул вслед ему Пашка. Но тот даже не обернулся.

Он бежал что есть сил назад, к дому. Куртка порвана, шапка съехала на бок, сапоги предательски соскакивали с ног, но Митька полон решимости. На глаза то и дело набегали слёзы, которые он на бегу утирал своим маленьким кулачком.

Вот показалась улица Солнечная. Он уже видел свою калитку.

Малыши за это время сделали небольшую снежную горку.

– Митя, а ты куда бежишь? – тем же вопросом встретила его удивлённая девчушка.

Митя на секунду остановился, посмотрел на детей и тихо ответил: «Домой, я шайбу утопил».

Дети застыли. Им было жаль доброго Митьку, и они, замерев, провожали его взглядом. Они видели, как он забежал в дом, через несколько секунд дверь распахнулась, и он пронёсся в сарай, потом опять в дом... И вот дверь опять распахнулась настежь и Митька в зимних ботинках, с каким-то свертком в руке выбежал из калитки.

– Ми-и-тя, ты куда?! – почти плача от испуга, кричала ему вслед девчушка.

– На Канавку, шайбу отнести!

Она вдруг расплакалась.

– Ты чего плачешь? – второй карапуз пытался смахнуть слёзы с её щеки варежкой, облепленной колючими снежными комочками.

– Митю жалко!

Митя в третий раз за последние полчаса бежал по этой дороге. Те же деревья, тропинки, только ноги обуты в удобные ботинки, но лицо напряжено. Весь его вид выражает одно желание – успеть. Его руки крепко обхватили сверток. Опять показывается Канавка. Митя видит, как две команды стоят друг против друга. Он выбегает на середину, разворачивает сверток и бросает на лёд оранжевую шайбу, сделанную из той гигантской морковки. Все вокруг засмеялись, и Митя тоже. Пашка подошёл к Мите и обнял его за плечи.

– Молодец, Митька! Вырастешь, капитаном будешь!

Продолжая смеяться, на середину выехал Колька и бросил на лёд настоящую шайбу. Началась игра. Митька всю игру стоял как замороженный. И только тогда стал смеяться и хлопать, когда увидел, что «Солнечные» поднимают клюшки вверх с криком «Ура!». Это означало победу.

Вечером мама и Митька пили чай. Задумчивый и расстроенный Митька вяло помешивал в кружке ложечкой. Мама придвинулась к нему ближе и обняла за плечи.

– Понимаешь, то, что ты сделал, – это победа!

– Победа? – брови на лице Митьки взлетели вверх. – Шайбу воронцовские привезли, а над морковкой все посмеялись.

– Эх, Митька, Митька! – мама потрепала его по голове. – Ну сам смотри: всё было против тебя, а ты не сдался. И никогда не сдавайся, но только в хороших делах. Папа будет гордиться, что у него растет такой мужественный сын.

– А разве я мужественный?

Мама серьёзно посмотрела на Митьку.

– Ты, когда шайбу утопил, о чём думал?

– Что я всех подвёл и что «Солнечные» из-за меня проиграют.

– Вот видишь, ты думал не о себе, что тебя ругать будут, а о ребятах. И потом не струсил, а стал бороться дальше. Так поступают только мужественные люди!

Мама снова обняла сына. На лице Митьке появилась улыбка.

Утром Митя проснулся и кинулся к окну. На подоконнике снова стояло блюдечко. Подняв марлю, он увидел маленькие белые росточки, пробившиеся на свет. Митька зажмурился от яркого солнца и удовольствия.